

Прогрессив или потенциалис: о единицах, мотивирующих граммемам несовершенного вида в лезгинских языках

Наблюдения над материалом различных языков показывают, что категория вида в них предназначена, прежде всего, для актуализации ситуации либо как факта, либо как процесса. Модель русской категории вида – явление весьма специфическое. Однако и здесь основной функцией для граммемы НСВ является конкретно-процессная, для СВ – конкретно-фактическая.

Поиски средств реализации этих функций в других языках приводят к выявлению видовых оппозиций иной структурной организации. Часто морфологически выраженным оказывается аспектуальный признак процессности (прогрессивности, длительности, континуальности и т.п.; ср. также замечание Ю.С. Маслова о том, что имперфект ряда языков – это маркированная недостижимость предела). Именно для процессной функции свойственна тенденция к кодированию в грамматических средствах. Проявлением этой тенденции является описательность, аналитизм таких грамматических форм (ср.: англ. *is / was... reading*, лезг. *кхъизва* ‘пишет’ < *кхъиз* [писать-IPF-CONV] + *ава* [быть-PRES]). Т.е. во многих языках (германских, романских, кавказских и др.) обнаруживаются оппозиции, в которых маркированной является граммама НСВ.

Функции таких оппозиций лезгинских языков в принципиальном плане не отличаются от функций *несловоизменяемой* русской видовой оппозиции. Имеются все основания считать эти оппозиции *словоизменяемой* категорией вида, а термины *вид* и *аспект* считать равнозначными. Такая категория вида имеется во всех дагестанских языках.

Исходя из словоизменяемого статуса этих категорий, конвербы, от которых образуются маркированные формы имперфективного содержания, логичнее называть *формами несовершенного вида*, аналогично *формам настоящего* или *будущего времени* в словоизменяемой категории времени. Такие конвербы традиционно трактуются как деепричастия или причастия, но более внимательный анализ их содержания и функций даёт основание сомневаться в адекватности этих определений. Известно, что в языках с морфологическим выражением грамматических значений морфемы, выражающие лексические значения глаголов, всегда сопряжены с морфологическими показателями каких-либо граммем. К таким языкам относятся и лезгинские языки. Простейшие глагольные словоформы в них состоят из грамматически немаркированного корня и аффикса. Такие словоформы находятся между собой в отношениях альтернации. В лезгинском языке таких глагольных единиц насчитывают 13. Напр., формы глагола *гъун* ‘нести / принести’: 1. *гъу-н* (масдар); 2. *гъу-рай* (импер. 3 л.); 3. *гъва-ш* (импер. 2 л.); 4. *гъи-з* (деепр. НСВ); 5. *гъи-р* (прич. буд. вр.); 6. *гъи-н* (импер. 1 л.); 7. *гъи-да* (буд. вр.); 8. *гъи-ди* (буд. предпол.); 9. *гъи-ч* (предпол. негатив.); 10. *гъи-мир* (прохиб.); 11. *гъа-на* (аор.); 12. *гъа-на* (деепр. СВ); 13. *гъа-йи* (прич. СВ). Формой НСВ является 4 – *гъиз*. От этой единицы образуются все модально-временные формы НСВ. Содержанию этой единицы больше других отвечает термин *прогрессив*. Применение по отношению к ним ярлыков *причастие* и *деепричастие* затушёвывает их действительное содержание. Обсуждаемая лезгинская единица, например, совмещает функции деепричастия и инфинитива, а аналогичная хиналугская – причастия и инфинитива.

В цахурском, ругульском, арчинском языках лезгинской группы форму на *-с*, имеющую общность с обсуждаемым лезгинским прогрессивом, трактуют как граммему *потенциального* вида: рут. *гъаъа-с* 'делать', инф.; цах. *гoкълa-с* 'тереть', буд. вр.; арч. *къе-с* 'мёрзнуть', инф. Диахронически обсуждаемые формы лезгинских языков на *-з*, *-с* возводятся к пралезгинской форме целевого наклонения на *- *с*.

В целом по лезгинским языкам формы НСВ имеют показатели, восходящие к пралезгинскому *-*р*. Форма, равнозначная лезгинскому прогрессиву, в других языках имеет показатель *-р* и реже показатели *-л*, *-н*, *-j*. В лезгинском языке аффикс *-р* образует единицу с потенциальным значением, равнозначную приводимым выше формам потенциалиса на *-с* ругульского, цахурского, арчинского языков. Напр.: *лугьун* 'говорить / сказать' – *лугьу-р* 'который будет, может говорить / что будут, можно говорить'; *авун* 'делать / сделать' – *ийи-р* '(тот) кто сделает / (то) что будет делаться'; *хъвар* 'пьющий, могущий пить / то, что предназначено для питья'; *хьун* 'иметь место, случаться / случиться' – *же-р / ри* '(то) что будет, нечто возможное'.

В лезгинском и удинском языках аффикс *-з / -с* оформляет прогрессив, от которого образуются все единицы НСВ. В остальных лезгинских языках этот аффикс образует форму потенциалиса. И, наоборот, аффикс *-р* в лезгинском языке образует форму потенциалиса, но не прогрессива.

Такое соотношение даёт основание считать, что единица с потенциальным значением не становится видовой основой форм НСВ потому, что модальное значение потенциальности несовместимо с чётко выраженной конкретностью, перцептивностью действия-процесса в презентных формах. Лезгинские языки можно группировать по общности в них единиц потенциалиса и прогрессива, от которого образуются все формы НСВ.